

Что ещё ты хочешь от меня, чего ещё?

Цзин Шо:

— Любимая?

Дуань Юньшэнь стиснул зубы и медленно протянул руку вниз, пытаясь прикоснуться.

Я помогу! Я помогу, ладно?!

Хватит звать, сердце уже растаяло! У вас, мужчин-лисов, есть специальный курс под названием «Сто способов нежно произнести имя»?

...Ох, этот негодяй даже не назвал его имя. Дуань Юньшэнь начал подозревать, что эти императоры постоянно называют своих наложниц «любимая», потому что забыли их настоящие имена!

Ты знаешь, как меня зовут, братан!

Цзин Шо звал его просто так, не ожидая, что Дуань Юньшэнь что-то для него сделает.

Просто он видел, как Дуань Юньшэнь замер в его объятиях, и это было особенно мило. Он звал его, а тот не отвечал, и он продолжал дразнить его, как бы неосознанно.

Когда Дуань Юньшэнь вдруг решился на смелый шаг... то есть протянул руку, Цзин Шо, конечно, был немного удивлён, но после короткого удивления с радостью принял это.

Даже если он решил не трогать свою наложницу, иногда можно позволить себе немного сладости.

Дуань Юньшэнь был более смущён, чем сам Цзин Шо, он спрятал лицо в его груди, не смея выглянуть, и всё время размышлял, как он дошёл до такого состояния!

Ещё недавно этот мужчина был в затруднительном положении и приглашал его «войти» (нет), а теперь всё изменилось.

Жизнь меняется слишком быстро, как на американских горках.

Нюгулу Юньшэнь больше не существует, он умер.

Теперь существует Нюгулу Тиран и его... маленькая жена?

После того, как всё было закончено, Дуань Юньшэнь ещё помог вытереть всё платком, и, вернувшись в постель, почувствовал, что он уже не тот, что был раньше.

Что эта жизнь с ним сделала?

— Нет, что этот сюжет с ним сделал!?

Кстати, система была ярым поклонником Цзин Шо, если она узнает, что он осквернил тирана, не заберёт ли она его жизнь?

...Мама, я в панике! Спереди волк, сзади тигр, а посередине дурак, жить невозможно!

Дуань Юньшэнь в душе рыдал и сдавался, но в то же время устроился поудобнее в объятиях Цзин Шо.

Ладно, ночь, пора спать, завтра будем думать.

В ту же ночь, когда у Дуань Юньшэня и Цзин Шо царил весна, у Великой вдовствующей императрицы и канцлера был зимний шторм.

Се Ханьсинь, возвращаясь днём из дворца в свою резиденцию, встретил на пути конного гонца, который мчался ему навстречу. Увидев карету канцлера, гонец тут же спрыгнул с лошади и упал перед ней.

Кучер, увидев это, немедленно остановил карету. Се Ханьсинь, который дремал внутри, проснулся от резкой остановки, нахмурился и приподнял занавеску, чтобы посмотреть на гонца, который выглядел крайне взволнованным. Он уже собирался отругать его за отсутствие манер, но спросил:

— Что случилось? Почему такой переполох?

Гонец, стоя на коленях, несколько раз пытался заговорить, но не мог произнести ни слова, и наконец выдавил:

— Ваше превосходительство... молодой господин... погиб...

Новость была настолько внезапной и прямой, что она не сразу дошла до сознания. Се Ханьсинь замер, словно не мог понять смысл этих слов, разбирая их по частям, анализируя несколько раз, прежде чем сомнительно подтвердил их значение.

Но он всё ещё не хотел верить и снова спросил:

— Кто... погиб?

Гонец, сдерживая тревогу, ответил:

— Молодого господина убили солдаты князя Цзя... его тело сейчас находится в Палате Дали, а князь Цзя уже доставлен туда нашими людьми...

Услышав слово «тело», Се Ханьсинь словно окаменел, не слыша дальнейших слов.

Он повторил в уме слово «тело» дважды, и вдруг почувствовал, как перед глазами потемнело, а из горла поднялась кровь.

Но Се Ханьсинь, будучи влиятельным человеком при дворе столько лет, даже в таком горе смог сохранить внешнее спокойствие.

Кровь, поднимавшаяся к горлу, с её металлическим привкусом, наоборот, вернула ему ясность ума, и головокружение немного ослабло. Собрав всю волю, он проглотил кровавую пену и твёрдо сказал:

— В Палату Дали!

Кучер, услышав, что тело его господина находится в Палате Дали, не смел медлить. Гонец

снова вскочил на лошадь и поскакал вперёд, а кучер погнал карету на полной скорости в сторону Палаты Дали.

Се Ханьсинь сидел в карете, которая тряслась на ухабах, но он не чувствовал никакого дискомфорта. Его разум был пуст, словно душа покинула тело, и осталась лишь оболочка, которая едва дышала. Единственным признаком жизни было произвольное дрожание рук.

Мяоэр...

Карета мчалась к Палате Дали, и, когда Се Ханьсинь вышел из неё, его ноги подкосились, и он упал на колени. Кучер даже не успел его поддержать.

Обычно решительный и беспощадный канцлер никогда не был в таком унижительном положении, но сейчас Се Ханьсинь этого даже не замечал.

Се Мяо уже остыл, его тело лежало в центре комнаты, накрытое белой тканью.

Глава Палаты Дали Сюй Мэн был в отчаянии, глядя на тело сына канцлера и на стоящего рядом вежливого князя Цзя.

Какой кошмар...

Что за несчастье обрушилось на него в этом году? Только разобрался с делом Чэнь Сяньаня, как появилось дело о вырезанных сердцах во дворце, а оно ещё не закрыто, как солдаты князя Цзя убили сына канцлера прямо на улице.

Может, ему стоит сходить в храм и помолиться? Каждое дело словно петля на его шее.

Сюй Мэн ещё не успел опомниться, как кто-то быстро вошёл и шепнул ему на ухо:

— Канцлер прибыл.

Сюй Мэн махнул рукой, показывая, что понял. Затем повернулся к князю Цзин И и почтительно сказал:

— Канцлер прибыл. Может, вашему высочеству стоит удалиться? Сын канцлера — его единственный ребёнок, и потеря его, вероятно, приносит невыносимую боль. Нам стоит дать ему время.

Цзин И давно слышал о том, что глава Палаты Дали умеет лавировать, и сегодня убедился в этом.

Предложение удалиться было не для удобства канцлера, а чтобы избежать конфликта между канцлером и князем, в котором Сюй Мэн оказался бы в затруднительном положении.

Хотя он понимал это, Цзин И сохранил свои манеры и кивнул:

— Вы правы, господин Сюй.

Сюй Мэн с облегчением вздохнул и поспешил распорядиться, чтобы князя отвели в комнату для отдыха.

Как только князь Цзя ушёл, в дверях появился Се Ханьсинь.

Сюй Мэн сразу же принял скорбный вид и подошёл к нему:

— Канцлер, примите мои соболезнования!

Се Ханьсинь едва мог стоять, его поддерживали люди, но внешне он выглядел относительно спокойным, хотя казался постаревшим на десятки лет. Обычная элегантность и достоинство исчезли.

Увидев Сюй Мэна, он не стал тратить силы на формальности, просто спросил:

— Где мой сын?

Сюй Мэн, понимая, что канцлеру сейчас не до разговоров, поспешно указал направление:

— Здесь.

Се Ханьсинь дрожащей рукой откинул белую ткань и увидел лицо Се Мяо — глаза всё ещё были открыты, а губы, щёки и шея были в крови, которую он изверг перед смертью.

В этот момент Се Ханьсинь больше не смог сдерживаться, его глаза потемнели, и он рухнул на пол. Сюй Мэн бросился поддержать его, крича, чтобы позвали врача, и в комнате началась суматоха.

Цзин И спокойно пил чай в соседней комнате, и вдруг ему стало любопытно: можно ли считать это кармическим воздаянием?

Се Ханьсинь всю жизнь шёл гладко: родился в знатной семье, сдал экзамены на высший балл, его сестра была императрицей.

Но даже этого ему было мало, и ради продвижения по службе он совершил множество грязных дел.

За эти годы из-за брата и сестры Се многие были несправедливо заключены в тюрьму, умерли в заточении, были сосланы, потеряли семьи и дома.

Можно сказать, что они совершили столько зла, что кажется, будто всё плохое в этом мире связано с ними.

И вот эти двое жили так хорошо, в славе и богатстве.

Одна была матерью нации, другой — высшим чиновником, у них было всё, и они жили долго, даже многие члены императорской семьи, моложе их по возрасту, не доживали до их лет.

Теперь, потеряв сына в старости, возможно, это карма за грехи отца?

— Жаль только Се Мяо.

<http://bllate.org/book/16211/1455782>